

**МУЗЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ**

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ**

“100 ЛЕТ - ЭТО ПОВОД”

Материалы научно-практической конференции
“Институт культуры: баланс традиций и инноваций”

Составитель сборника
Лукас О.Г. – зам. директора по
научно-исследовательской деятельности МУК «МИКСП»

Редактирование текстов:
Лукас О.Г., Запорожцева Н.С.

Компьютерная верстка:
Сахаутдинов Р.Р. – научный сотрудник
проектно-информационного отдела МУК «МИКСП»

Дизайн обложки:
Шутов Ю.А. – научный сотрудник МУК «МИКСП»

Фотограф:
Е. Караванов

а с другой стороны, на акцентирование их внимания на интересных объектах истории и культуры, которые одновременно являются музейными предметами. Музей в современных условиях пропагандирует идею необходимости охраны и сохранения памятников истории и культуры различного уровня значимости, а также роста национального самосознания путем уважения и популяризации культурного наследия своего региона.

Таким образом, музеи Удмуртии в условиях современной жизни успешно сочетают традиционные и инновационные формы работы, ставя первоначальной целью сохранение различного рода объектов культурного наследия.

100 лет местной профессиональной археологической традиции в Удмуртском Прикамье

Мельникова О.М.

В 2009 г. исполняется 100 лет со дня начала систематических профессиональных археологических исследований на территории удмуртского Прикамья силами местных исследователей. Если в Глазовском уезде памятники изучались местными любителями древностей еще в XIX в. (инспектор народных училищ Н.Г. Первухин), то прикамская археология интересовала, главным образом, Общество археологов, истории и этнографии при Казанском Императорском университете и вятских исследователей, среди которых - крупнейшая фигура в истории отечественной археологии А.А. Спицын, впоследствии член Императорской археологической комиссии, приват-доцент Петербургского университета, преподаватель Петербургского археологического института(1).

Значимую, и пока еще не в полной мере осмысленную и оцененную в научной литературе роль в становлении профессиональной археологии в Прикамье сыграл созданный в 1909 г. музей Сарапульского земства, переданный в 1913 г. Обществу изучения Прикамского края. В решении о создании музея указывалось: «Сарапульское земство, заслушав в очередную сессию 1909 г. доклад уездной управы об учреждении при Управе музея, постановило: признать желательным и уполномочить Управу на прием пожертвований вещами и деньгами для будущего музея. Устройство музея в Сарапуле, являющемся крупным центром Среднего Прикамья, будет иметь важное значение не только для Сарапула, но и для окрестных местностей. В этом музее предполагается организация отделов: по археологии, этнографии, нумизматике, естественным наукам и прикладным знаниям. Важно устроить библиотеку изданий, имеющих отношение к местному краю. В настоящее время разного рода редкие предметы, имеющие ценность в смысле изучения местной жизни: археологические древности и другое, сосредотачиваются в частных руках, теряются безвозвратно, и чем дальше идет время, тем более теряется памятников старины и местного быта»(2).

Среди учредителей музея не было ни профессионалов-археологов, ни историков вообще: М.С. Тюнин был председателем Сарапульской уездной земской управы, Л.К. Круликовский - по образованию энтомолог, служил в акцизном ведомстве, С.Н. Миловский - писатель, Ф.В. Стрельцов - врач, Н.М. Мусерский - секретарь уездной земской управы, Н.Е. Ончуков - фельдшер, позднее издатель газеты «Прикамская жизнь», П.П. Беркутов - художник, преподаватель Алексеевского реального училища. Тем более

вызывает уважение размах и реальное воплощение задуманных основателями музея планов.

Перед музеем была поставлена цель – «популяризация знаний вообще, при посредстве изучения Прикамского края»(3). Важно, что его организаторы осознавали, что без привлечения профессиональных кадров эти задачи не удастся решить. Более того, исследовательская деятельность музея изначально понималась как профессиональная, в том числе в области археологии предполагавшая учет всех требований государственного учреждения, ведавшего археологическими исследованиями в России – Императорской Археологической комиссии. Поэтому указывалось, что «для достижения цели членами совета музея лично или через посредство опытных лиц производятся раскопки курганов могильников»(4).

Реализация этой задачи осуществлялась за счет активного общения с профессионалами – историками, археологами, этнографами, в первую очередь, уроженцами Вятской губернии, в том числе и Сарапульского уезда. В «Кратком очерке деятельности Сарапульского земского музея за первый год его существования (с 5 апреля 1909 г. по 5 апреля 1910 г.)» подчеркивалось: «учредители ...вошли в сношения ... с отдельными археологами и этнографами, прося их указаний и советов по организации музея и собиранию разных предметов старины. Все эти обращения имели успешные результаты. Из отдельных ученых лиц оказали свое содействие учредителям музея А.А. Спицын, А.С. Лебедев и Д.К. Зеленин»(5).

В ЦГА УР посчастливилось обнаружить автограф А.А. Спицына, сотрудника Императорской Археологической Комиссии, в котором даются подробные рекомендации о том, каким должен быть музей и какие функции он должен осуществлять. Важен акцент на понимание не только популяризаторской функции музея, но и значимости его как исследовательской организации. Письмо ценно еще и тем, что в это же самое время в 1909 г. А.А. Спицын был назначен приват-доцентом Петербургского университета. В январе 1910 г. он организовал археологический кабинет – первый в российских университетах, а в мае 1910 г. археологический кабинет провел первые студенческие раскопки(6). То есть в это время А.А. Спицын решал задачи, отчасти схожие с теми, что стояли перед музеем в Сарапуле.

В письме на имя секретаря Сарапульской уездной земской управы Н.М. Мусерского он пишет: «Многоуважаемый Николай Михайлович! Мне очень нравится мысль о местном Сарапульском музее. Вы понемногу можете собрать драгоценные материалы для изучения края в естественном, историческом и бытовом отношениях, музей должен натолкнуть на исследования многие молодые силы. Конечно, он должен иметь и образовательный материал в виде вещей, картин, фотографий, моделей. Самое главное, чтобы они были обозначены помещением, хранением и прислужгой, иначе если этого не будет, то лучше и не браться. Вот если бы (вы имели? – О.М.) здание. Тут должны быть собраны предметы быта, русского и инородческого. Должны тут альбомы видов городов, селений и хозяйства. Все это будет драгоценно – и потому-то эти вещи должны быть охранены, иначе не будет к музею доверия со стороны местного населения. Что касается предметов древности, то они свободно приобретаются, если это случайные находки невыдающегося значения. Найдки особого рода по закону поступают в государственные большие музеи, где лучше сохранность и где есть возможность изучения. Они направляются в Императорскую Археологическую Комиссию, где их и распределяют по музеям. Раскопки можно вести только с разрешения Археологической Комиссии, которая

следит лишь за тем, чтобы они были проведены опытными исследователями, сопровождалась бы должным образом, а находки были припродвинуты в обеспеченный охраной музей. Сама она претензий на находки не имеет. А с местными памятниками знакомит моя книга о вотяцких древностях, изданная Императорским Московским Археологическим Обществом (Обществом - О.М.); мое же описание могильников Оки и Камы. Через издательство я попытаюсь найти описание древнего края в более обстоятельной или хотя бы в более краткой форме. А как разыскивать памятники древности, сему учит прилагаемая при сем брошюра «Разведки». Низко кланяюсь Вам и К.М. и желаю Вам доброго благополучия и здоровья. Преданный Вам А. Спицын. 21 апреля 1909 г.»(7).

В последующие годы музей активно сотрудничал с А.А. Спицыным, в особенности в научной оценке получаемых в ходе раскопок материалов. Л.А. Беркутов, студент Петербургского политехнического института, одновременно изучавший археологию в Археологическом институте, проводил от имени музея археологические исследования на территории Сарапульского уезда. По всей видимости, он принимал участие в первых студенческих раскопках студентов Петербургского университета, где получил наставления от А.А. Спицына на проведение раскопок в Прикамье(8). Это предположение опирается на текст письма в Императорскую Археологическую Комиссию: «Управа предполагает и находит желательным обследование и раскопки городищ, имеющих на берегу р. Камы в пределах Сарапульского уезда. Кроме того, управа имеет честь сообщить, что господин член Археологической Комиссии А.А. Спицын по просьбе одного из учредителей Сарапульского земского музея любезно обещал сообщить господину Беркутову руководящие указания как теоретически, так и практически при археологических работах, предположенных текущей весной в Лужском уезде»(9).

Между прочим, о раскопках А.А. Спицына в Лужском уезде в мае 1910 г. в монографии «Археология в Санкт-Петербургском университете» упоминает И.Л. Тихонов: «Первые раскопки археологический кабинет провел в мае 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губ. Раскопки проводились следующим образом: каждый студент раскапывал по кургану под общим наблюдением Спицына. По окончании все студенты писали отчеты о «своих» курганах, и на их основании А.А. Спицын составил и опубликовал в изданиях Археологической комиссии общий отчет»(10).

Поскольку Археологический институт и университет в Петербурге связывала общность научных тем и читаемых курсов, многие преподаватели и слушатели института были профессорами и студентами института(11), можно предположить, что и в учебных раскопках студентов университета могли принимать участие и слушатели Археологического института, в том числе и Л.А. Беркутов.

А.А. Спицын был крайне строг и взыскателен к качественной стороне полевых археологических исследований. И.Л. Тихонов приводит воспоминания одного из его учеников по этому поводу: «Он постоянно был поглощен вопросом о технике производства раскопок и считал, что ошибочные заключения, сделанные на основании раскопок, проверены новой раскопкой быть не могут. Поэтому он требовал самого тщательного ведения дневника, постоянных обмеров, чертежей, рисунков и фотографий»(12). Такая школа у А.А. Спицына могла способствовать становлению Л.А. Беркутова как полевого исследователя.

В фондах ЦГА УР сохранилось немало упоминаний об активном научном общении Л.А. Беркутова и А.А. Спицына, что, несомненно, способствовало развитию археологического знания в Прикамье.

В апреле 1909 г. земская управа обратилась к А.А. Спицыну с письмом следующего содержания: «Милостивый государь Александр Андреевич! В г. Сарапуле уездным земством учрежден музей и при нем библиотека, в которой собираются по возможности все издания, служащие к изучению местного быта Вятской губернии и Среднего Прикамья. Для пополнения этой библиотеки издание Ваших трудов по изучению края были бы очень ценным приобретением. Вследствие сего уездная управа обращается к вам с покорнейшей просьбой не отказать в пожертвовании для библиотеки музея по одному экземпляру изданий Ваших трудов и надеется, что вы не откажете земству в содействии к надлежащему пополнению этого образовательного учреждения»(13).

А.А. Спицын постоянно консультировал музей относительно определения научной значимости прикамских древностей. Частная переписка Л.А. Беркутова с М.С. Тюниным сохранила немало фактов по этому поводу. Так в августе 1910 г. он сообщал, что «взято мною 3 фигурки богов (?) для ознакомления с ними А.А. Спицына, которые обязуюсь возвратить в Сарапульский музей»(14). В другом письме он подробно сообщает об исследовательской работе: «24-25 октября 1910 г. Многоуважаемый Михаил Семенович! Простите, что долго не писал Вам, не было времени, то работаешь, то хвораешь. Вы опасаетесь за судьбу божков, так это напрасно. Божки – собственно куклы Ананьинской культуры, первые в находках, возвратятся в Сарапул, но в каком виде – не могу сказать – пожалуй, в копиях, конечно, искусно выполненных, но я посоветую Вам обратить внимание на карандашные знаки, нарисованные мною на основании кукол и сразу узнать, что это не подделка (дан рисунок с этим знаком – О.М.), а оригинал. Отчет о раскопках получился неважный, ибо во время составления отчета болела голова. Ответа на удовлетворительность Отчета от Александра Андреевича (Спицына - О.М.) не получил и думаю, что он попросит добавочных сведений о раскопках (этого я не боюсь – у меня сохранились точные записи о нивелировках грунта и поверхности площади раскопок и характере черепков). Вам приготовил уже 1,5 листа – по времени писать кончить – сколько наберется всего – не знаю пока. Раскопанное городище (Усть-Нечкинское – О.М.) принадлежит к костеносным городищам, но не все в целом, так как после этой культуры здесь есть еще и другая. Спицын полагает, что городище это болгарское, к которым причисляет и Нырғындынское. Спицын предполагал (раньше), что в группе городищ близ Чеганды должно быть хотя бы одно Костеносное и даже определял местно, на которое указывал. Это то место, которое я описываю под названием «Поляна». Городища, открытые нынче – «Каменный лог» и «Подкаменный» не определены. Меч, принесенный в дар Сарапульскому музею – сарматский и надо полагать, что близ Чеганды, будет найден сарматский могильник, а может быть и «скифский». Кольцо с надписью УВАШЕЛЕЙ (?-О.М.) Спицын не знает куда причислить. Вместе с вещами с городища Вам придется формочка ананьинской культуры, найденная Флавиодном Африкановичем и изломанная куколка, найденная П.П.Б (Порфирием Павловичем Беркутовым - О.М.) (Сбоку приписано - с Усть-Нечкинского городища – О.М.) и уже внесена в Ваш Каталог. Вместе с вещами придет опись, составленная мною (копия). С боку записано 2 № (железные обломки). Я пришло Вам полную опись найденных вещей (оригинал в Комиссии). Когда, которого числа пошлю Вам материал, я не

знаю, но это будет зависеть от моего финансового положения, которое сравнительно неважно. Примите уверения в искреннем почтении. Л. Беркутов. 15 октября 1910 г. Петербург, Гатчинская, 8. кв. 2»(15).

Значимость первых находок, полученных музеем, подчеркивалась в одном из отчетов музея: «Результатом раскопок явилась богатейшая коллекция с Юшковского и Усть-Нечкинского городищ, причем эти находки (глиняная посуда, поделки из глины, бронзы, кости, глиняные фигурки людей и животных) представляют собой еще больший научный интерес тем, что позволяют историю указанных памятников отодвинуть на много веков назад по сравнению с тем временем, к которому относила эти городища наука, основываясь на имевшихся в ее распоряжении довольно скудных данных»(16).

Важное историко-научное открытие относительно развития местной археологии содержит еще одно письмо Л.А. Беркутова М.С. Тюнину. Археологам известно, что музей Сарапульского земства по примеру многих научных обществ предпринял попытку анкетирования жителей уезда на предмет выявления сведений о памятниках археологии и старины в целом. Часть этих анкет вернулась в музей, многие археологи в последующие годы использовали в своей работе их информацию. Чаще ее составление связывалось с именем Ф.В. Стрельцова – члена-сотрудника Сарапульского музея. Выясняется, что на самом деле инициировал это анкетирование Л.А. Беркутов, опиравшийся на поддержку в этом начинании со стороны А.А. Спицына. Выясняется и мотив, по которому и был предпринят этот опрос: нехватка у музея средств на проведение полномасштабных разведок по территории уезда. В письме на имя М.С. Тюнина Л.А. Беркутов пишет: «Многоуважаемый Михаил Семенович! Прошу извинить меня, что долго не писал: было много дела, потом инфлюэнция, а затем опять много дела и т.д. Я был у Спицына, он сказал, что вещи, которые были направлены в Сарапульский музей, все еще не отосланы, и поэтому посоветовал мне их взять перед вакамом(17) – на что я согласился, думаю, что эта комбинация самая выгодная, ибо я отличу подделку и возьму подлинники. Подал прошение на Оханский и Сарапульский уезды – средств не дают, так как эти губернии (Вятская и Пермская) стоят не на очереди. Сейчас возьмется с Архангельской (очевидно, речь идет о возможности финансирования раскопок со стороны Императорской Археологической Комиссии или проведением там областного археологического съезда – О.М.). Надо подумать, откуда взять деньги на раскопки и исследования. Я лично придумал анкету, облегчающую задачи музея, а именно благодаря ей у нас останутся некоторые сбережения, а так же несомненно полные сведения о Сарапульском уезде. Эту анкету я показывал Спицыну и он одобрил. Анкета предназначена для сельских учителей и учительниц, но она может быть разослана и другим - хорошо бы урядникам и приставам. Надо побольше собрать материалу для предстоящего Архангельского съезда (областного археологического – О.М.), где коснутся и Прикамья. Хорошо бы было, если бы разослали анкету до Пасхи, а к моему приезду было бы порядочно материалов. Поклон Сарапульскому музею в лице его комиссий. Примите уверения в искреннем почтении. Лев Беркутов. Санкт-Петербург, Гатчинская, 8. кв.2. 19 января 1911 г.»(18).

Важным условием профессионализации археологии учредители музея видели в продолжении углубления профессионального образования Л.А. Беркутовым. При обсуждении сметы земства на деятельность музея на 1912 г. указывалось: «Прочитано заявление Л.А. Беркутова о назначении ему пособия в 25 руб. на прослушание курса практической археологии.

Совещание признало просить: засвидетельствовать перед Земским собранием, что Л.А. Беркутовым сделано для музея много, чтобы дать ему пособие на пополнение образования по археологии: с пополненным знанием он еще более будет полезен для музея»(19). Если учесть, что ежегодная плата за обучение вольнослушателей в Петербургском археологическом институте составляла 30 рублей(20), то становится ясно, как управа осознавала значимость подготовки своего кадра для музея.

Показательно, что все свои исследования в Сарапульском уезде Л.А. Беркутов проводил бесплатно, расходуя деньги только на оплату рабочих(21). Музей высоко ценил это подвижничество. В протоколе одного из их совместных заседаний указывалось, что он «выражает благодарность члену Археологической комиссии А.А. Спицыну за его содействие музею и Л.А. Беркутову за безвозмездные труды на пользу музея»(22). Не имея возможности материально вознаградить Л.А. Беркутова, тем не менее, музей разрешил выдачу ему бесплатного билета на бесплатные разъезды летом на производство раскопок городищ и могильников в пределах уезда(23).

Стараниями музея за первые пять лет его существования, археологическая коллекция стала весьма внушительной. В одном из обсуждений по поводу необходимости создания музея его организаторы сетовали на то, что «кому-то из читающих эти строки само слово «МУЗЕЙ» явится чуждым и ничего не говорящим ни уму, ни сердцу. Музеев, к СОЖАЛЕНИЮ, до сих пор еще так мало в нашей обширной родине, что можно нередко встретить людей, совершенно незнакомых с обстановкой и целью этих учреждений»(24). Настойчивость, целеустремленность в познании прошлого своего края всех тех, кто был причастен к первым археологическим исследованиям, проводимым местными исследователями, была вознаграждена. Научное изучение памятников, большая популяризаторская работа способствовали формированию в провинциальном обществе интереса к археологии и сделали ее одной из значимых и наиболее развитых в контексте регионального развития науки.

Примечания:

1. Мельникова О.М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Биобиблиографический словарь-справочник. Ижевск, 2007.
2. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр. 6, л. 1
3. ЦГА УР, ф. 349, оп. 1, ед.хр. 1, л. 1. Правила устройства и содержания Сарапульского музея. 16 октября 1909 г.
4. Там же. л. 1 об.
5. Там же. л. 32
6. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003, с. 74 – 75
7. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр. 7, л. 20
8. Мельникова О.М. Археологические исследования Л.А. Беркутова в Среднем Прикамье (по материалам ЦГА УР) // Вестник Удмуртского университета. № 3. Серия «История». Ижевск, 2004, с. 145 – 150
9. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр. 6, л. 130
10. Тихонов И.Л. Указ. Соч. с. 77
11. Там же. с. 131
12. Там же. с. 77
13. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр. 6, л. 92

14. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр. 6, л. 201
15. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр. 6, л. 222, 222
16. ЦГА УР, ф. 349, оп. 1, ед.хр. 7, л. 16
17. Вакат – страница, свободная от текста
18. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр. 16, л. 105
19. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр. 13. Журнал Совещаний Сарапульской уездной земской управы. 1 сен.1911 г., л.151.
20. Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989, с. 134.
21. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр.10, л. 9
22. ЦГА УР, ф. 349, оп. 1, ед.хр. 3, л. 6
23. ЦГА УР, ф. 349, оп.1, ед.хр. 3, л. 11
24. ЦГА УР, ф. 349, оп. 2, ед.хр. 6, л. 49

Становление профессиональных норм в российской провинциальной археологии (на примере музея Сарапульского земства)

Мельникова О.М., Жукова К.

В эпоху становления социального института науки ее ценностные ориентации расширяются, и все больше начинает усиливаться понимание научного знания как инструмента преобразования природы и общества.

В процессе деятельности профессионалов формируются профессиональные нормы как эталоны приемлемого и неприемлемого поведения в группе, выполняющие социальный контроль над деятельностью личности и способствующие устойчивости существования группы. В результате оформляется профессиональная субкультура как система общих символов, ценностей, норм и образцов поведения, разделяемых профессиональной группой. Профессиональная субкультура тесно связана с содержанием работы и ролью, которую в обществе играют ее представители.

Профессиональные нормы научной деятельности включают в себя:

- 1) стремление учёного к тому, чтобы как можно скорее передавать свои результаты коллегам;
- 2) восприимчивость к новым идеям, не поддающимся со стороны давления научной моды;
- 3) эрудицию и знания всех фактов, относящихся к области работы учёного;
- 4) человек науки должен выступать в защиту новых идей, но вместе с тем не поддерживать необоснованные предложения;
- 5) учёный должен публиковать материалы исследований в научных изданиях и доклады на научных конференциях;
- 6) исследователь должен уметь отстаивать свое мнение, опираясь не на эмоции, а на логику изложения фактов и аргументацию. Но он должен находить в себе силы отказываться от гипотез, если науке становятся известны новые факты, опровергающие эти гипотезы.

Именно ученые инициировали процесс формирования профессиональных норм в археологии. На примере провинциальной археологии мы можем зафиксировать процесс их освоения и становления в России. Рассмотрение этого процесса возможно на примере археологической деятельности музея Сарапульского земства, созданного ровно 100 лет назад,